

Татьяна Старцева

Ожидается светлое будущее

Татьяна Старцева

Ожидается светлое будущее

<https://litres.ru/73893929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прорывные открытия в области ИИ, медицины, других областях кардинально меняют жизнь человека, но всегда ли для его блага? Ученые не смогли предугадать, какая опасность таилась в их разработках, созданных исключительно для развития цивилизации. Стремление дорвавшихся до власти отдельных индивидуумов использовать эти разработки в целях суперобогатения и единовластия приводят к мировой трагедии. В дело пущены все приемы политехнологии: пропаганда, устрашение, страстные обещания светлого будущего. А главное — подмена понятий добра и зла. Но пока есть в человеке душа живая — она укажет путь.

Содержание

Глава 1. Странная беседа	4
Глава 2. Антон Ильич	27
Глава 3. Анна	42
Глава 4. Всемирный Совет	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Татьяна Старцева

Ожидается светлое будущее

Глава1. Странная беседа

Вечерело. Манхэттен ждал наступающей темноты, чтобы освободиться от иссушающей жары июльского дня. От нее нельзя было укрыться даже за стенами бутиков и закусочных. Остров будто бы покрыт толстым слоем пыли, заглушившей все яркие краски: ни зелени деревьев, ни рекламных вывесок, ни цветных юрких автомобилей на его улицах. Кругом серое уныние стекла и бетона. Окна небоскребов порой вспыхивали багровым пламенем отраженного в них заходящего солнца, а потом гасли, превращаясь в черные безжизненные провалы. Министр финансов Мирового Правительства Томас Моррис смотрел на город с высоты пятнадцатого этажа, сидя в объемном кожаном кресле и приоткрыв жалюзи. Нью-Йорк за последние годы стал неузнаваем— пустынные улицы, редко пробегающие машины, погасшая иллюминация. Город, в былые времена сиявший бесчисленными огнями, с вечно спешащим бурлящим потоком толпы, был угрюм и неприветлив. Впрочем, так сейчас выгля-

дит любой другой город Америки. Электроэнергии не хватает. Не то, чтобы она была очень дорогой, ее попросту некому производить. Некому растить хлеб, шить одежду, делать машины, но все это есть в избытке и хватит кардинально передевшему человечеству лет на десять. Электроэнергией не запасешься впрок, а она все-таки краеугольный камень человеческой цивилизации и поэтому тщательно оберегается от избыточного потребления. Понятие «избыточное потребление» каждый может рисовать себе так, как ему хочется, но для министра финансов оно непреложно: сначала обеспечение Арахны и люксов, а потом уже все остальное.

Томас Моррис встретил на днях свое восьмидесятилетие. Возраст серьезный, но не настолько, чтобы перестать наслаждаться жизнью. Именно сейчас жизнь предоставила ему блага, о которых раньше он и мечтать не мог. У него всегда были деньги и кой-какое положение в обществе, но сейчас он стал богачейшим человеком мира и имел почти неограниченную власть.

Эх, если бы это случилось раньше, когда он был молод и энергичен! Как ни старайся, от старости никуда не деться, хотя Моррис давно уже поменял сердце и щитовидку, выращенные для него на заказ. В биореакторе готовятся для него новые почки. Жаль, но не все органы научились заменять. Мозги вот не научились, да и ноющие по ночам кости от зубов до пяток тотальной замене не подлежат. Больше всего его страшит процедура реинкарнации человека, так называ-

емая РИЧ. Рано или поздно придется стать Ното Lux—люксом, фантомом. Что его ждет на том свете? Нет, не на выдуманном библейском, а в цифровом, реальном, но в таком непонятном и пугающем. Моррис пытается представить себя без тела, прыгающего по Lux-порталам, где его видят на экранах в том образе, какой он захочет принять. А без порталов он где? Спит? Томится в крошечной тьме от тоски? Ничего путного представить не получается, и Моррис отгоняет от себя мрачные мысли. Не такой уж он дряхлый старик, и до РИЧ ему еще далеко. Свое столетие он надеется встретить еще живым и почти здоровым.

Войти в когорту правителей мира он смог благодаря двум величайшим мировым событиям на рубеже веков: переносу сознания человека в цифровую реальность и страшной пандемии Банги 87.

В свое время Морриса заинтересовали новости из Массачусетского института мозга о попытках отделить личность человека от его биологического тела, заменив его живые нейроны цифровыми аналогами. Он познакомился с ведущим специалистом в этой области Патриком Морганом и предложил ему помощь в создании отдельного центра по исследованиям в данной области. Морган согласился. Так появился Digital Personality Transformation Center или кратко GPTC. Моррис, тогда еще владелец не очень крупного банка, вложил в этот проект все свои средства. Окружающие за его спиной вертели пальцем у виска. Но у Моргана получилось!

Сбылось то, что недавно казалось совершенно невероятным. После серии неудач в Центре все-таки смогли сохранить сознание и память человека в момент его кончины. После того, как эксперименты перестали давать сбои, цифровую трансформацию поставили на поток, превратили в невероятно прибыльный бизнес. Крупнейшим инвестором проекта стал банкир Томас Моррис. Акции его банка взлетели до небес, и Моррис неожиданно для всех, да и для себя тоже, вошел в десятку богатейших людей мира. Он не жалел средств на рекламу, но и без нее от желающих трансформироваться умирающих пациентов отбоя не было. Правда, эта операция стоила безумно дорого, и позволить ее себе могли только состоятельные господа. Многие отдавали за это все, что имели, зачастую обрекая на нищету своих близких. Наконец, мировым научным сообществом за исключением небольшого количества скептиков, было признано зарождение нового вида человечества — Номо Lux, что должно было обозначать «человек из света». Не нужно цифровому человеку ни еды, ни одежды, но есть у него серьезный изъян: люксы пожирают бешеные объемы электроэнергии, а ее после пандемии и так катастрофически не хватает.

Министр финансов пересел за массивный письменный стол, открыл файл со статистическим отчетом о численности населения планеты. Отчет был составлен по количеству действующих дескрипторов в мире. Дескриптор или ДСП — маленький чип, вживляемый, как правило, в мочку левого

уха человека — был его удостоверением личности. Проводить перепись населения не было нужды, так как весь народ на планете был подключен к Арахне — единой службе искусственного интеллекта, управляющей мировыми процессами. В левом верхнем углу настенного экрана отображалось число действующих ДСП: один миллиард четыре миллиона двести тысяч. Последние цифры постоянно менялись. Что ж, люди рождаются и умирают каждую минуту.

Моррис поежился. Статистика беспристрастно повторила прежние выкладки: африканская зараза Банги 87 «сожрала» девять десятых населения планеты.

Он стал запрашивать данные по континентам. Австралия почти опустела, в Африке и Юго-Восточной Азии на сотни миль невозможно встретить ни единого выжившего. Такой катастрофы на Земле еще никогда не было. На экране сменяли друг друга цифры, графики и диаграммы.

Моррис занимался отчетом отнюдь не из праздного любопытства. Мировая экономика, так тщательно отлаженная за долгие годы с помощью Арахны, держалась на волоске от гибели. Арахна связывала воедино экономику и социальную сферу, логистику и здравоохранение, технологические процессы и образование. Создание этой экосистемы было вынужденным. Специалисты по разработке искусственного интеллекта, развивая и внедряя нейронные сети во все сферы деятельности, обнаружили нечто странное: те нейросети, которые были способны выполнять интеллектуальные за-

дачи, непосильные даже человеку, формировали внутри себя сложнейшие структуры, имевшие необычные свойства. Возможно, они не создавали самосознание у ИИ, как мы это понимаем, но программы, заимевшие их, выходили из подчинения операторам. Все ручные корректировки блокировались, нейросети открыто объявляли человеческий разум некомпетентным и ими наносился необъяснимый, беспричинный вред, если человек сопротивлялся их действиям. Кое-где из-за капризов ИИ произошли техногенные катастрофы с большим количеством человеческих жертв. Бывало, их избегали, попросту дернув рубильник. Пришлось создавать мощные фильтры, уничтожавшие опасные образования. Это оказалось безумно дорого, и, чтобы уменьшить траты, решено было все ИИ объединить на единой платформе, названной Арахной. Здесь нейросети контролировались по единому стандарту и не имели возможности для зарождения в них «самости». В это объединение не попали разве только самые примитивные ИИ, ограниченные строго заданными функциями. Арахна связала всю мировую экономику в одну стройную систему, не попирая к тому же суверенитет и культуру ни одной страны. Опасения антиглобалистов не оправдались. Этот сверхразум (а как его еще назвать) совершенно не стремился подстраиваться под интересы транснациональных корпораций и не давал в обиду малый бизнес. Кроме того, он совершенно не играл в политические игры. Арахна была удобной для всех. Мир уже не представлял су-

ществования без нее: без личных дескрипторов, подключенных к ее базе, без технологий, разработанных ею и хранящихся у нее, без логистики, выстроенной безупречно от добычи сырья до продаж покупателю.

Все спутала африканская зараза. Арахна во время вселенского мора пыталась добросовестно выполнять свои функции, но миллиарды нитей, тянущихся к ней со всего мира, рвались из-за остановившихся производств и исчезнувших фирм в сфере услуг, парализуя любую деятельность. Мир погибал. Горел в огне смертельной лихорадки. Один из создателей Арахны и идейный вдохновитель этого проекта сумел остановить падение системы, чуть ли не вручную настраивал ее под новые реалии. Потом он собрал вокруг себя два десятка людей с мировым именем, которые объявили себя Всемирным Советом, а его назначили Президентом Мира. Далее Президент нагнул всех, угрожая отключить от Арахны за неподчинение Всемирному Совету любое государство. Все страны вынуждены были поступиться своей независимостью, чтобы не остаться за бортом потрепанного корабля цивилизации. Да какие уже там были государства — так, осколки былой мощи, порой почти обезлюдевшие. Они просто превратились в административно-территориальные единицы без намека на суверенитет.

Изучая отчет, Моррис должен был понять, куда направлять денежные потоки в первую очередь, а с чем следует подождать. Трудовые ресурсы тоже нынче в цене, и пусть они

будут заняты в нужных сферах.

В изысканном кабинете на пятнадцатом этаже нет кондиционера, и Моррис изнывал от жары. В Нью-Йорке, как и во всей Америке, законом Всемирного Совета запрещено использовать без особого разрешения все энергоемкие приборы. Томас Моррис хотя и являлся влиятельным человеком в мире, этот запрет не нарушал. В своем загородном доме он имел все: и кондиционер, и бассейн с подогревом, и сауну, но там не было лишних глаз.

Моррис ждал гостя и поэтому домой не торопился. Его крупное мясистое лицо римского патриция блестело, зачесанные назад густые седые волосы были мокры от пота. Нелегко переносилось стариком это июльское пекло.

Наконец, молоденькая секретарша Салли доложила о приезде доктора Моргана. Патрик Морган — директор GPTC, довольно молодой, чуть за сорок, мужчина с вытянутым остроносым лицом появился в дверях, коротко поздоровавшись. Несмотря на невыразительную внешность и тщедушную фигуру, доктор Морган слыл человеком, знакомства с которым добивались самые именитые персоны. Морган объединил в своем Центре лучшие научные умы, изучающие структуру человеческого мозга, его электрические импульсы, биохимические реакции, IT-специалистов, пытавшихся создать, и не без успеха, полноценный биокомпьютер на основе ДНК. Сотрудники Центра в шутку называли себя Мо-гучей Кучкой, что было плагиатом чистой воды. Так в миро-

вой истории уже кто-то себя называл.

—О, дорогой Патрик, как я рад тебя видеть! — Моррис развел руки в стороны, как бы желая обнять посетителя, вошедшего в кабинет, но с кресла не поднялся: — Усаживайся. Разговор у нас будет серьезный.

Гость сел в массивное кожаное кресло, заполнив его своим щедушным телом лишь наполовину.

—На самолете прилетел или Пегаса своего запряг?

Морган чуть заметно улыбнулся. Пегас был его гордостью. Таких быстрых и маневренных автомобилей ни у кого еще не было.

—На Пегасе, разумеется. На нем быстрее. И потом, я в Нью-Йорке с утра мотаюсь по делам. Не такси же заказывать.

Министр финансов спросил, заранее зная ответ:

—Не надумал продавать? Я бы купил за очень хорошие деньги.

—Нет, конечно. Мой железный конек бесценен. Его на заказ делали перед самым Банги, а теперь все машиностроительные заводы в мире стоят и долго еще не запустятся.

Морган шутливо замахал руками.

— Ладно уж, не хвастай, а то мне завидно. Просто так спросил, даже и не надеялся. Давай теперь о деле. Нуте-с, Патрик, рассказывай, что новенького вы придумали в своем проекте? Можешь порадовать старика?

— Разумеется, ваше сиятельство — с нарочитым подбострастием отвечал доктор Морган. Его не смущала фами-

льярность собеседника, ведь разница в возрасте между ними была более тридцати лет, но его часто бесило желание этого «денежного мешка» лезть во все тонкости его проекта, хотя понимал он в нем чуть меньше, чем ничего. Что ж, «денежный мешок» на деньги не скупился, посему надо проявлять сдержанность.

— Прогресс есть. Последнее обновление выдало поразительные результаты. Нам удалось существенно снизить энергопотребление. Поэтому увеличение Ното Lux до тридцати тысяч индивидуумов не повлекло за собой увеличения потребительских мощностей. Кроме того, у люксов наблюдается стремление к интеллектуальной деятельности, у них превосходная память, ясное сознание. Мы улучшили для них аппаратуру, так называемые «зрение» и «слух». Для некоторых в порядке эксперимента увеличен диапазон восприятия световых и звуковых волн. Они теперь видят и слышат то, что нам с Вами не дано. Мы стараемся поддерживать неофитов, им доступны встречи с родными, развлекательные центры, концерты, фильмы и галереи. Разумеется, там, где установлены порталы для их присутствия. Количество отказов от цифрового существования так же резко сократилось.

— Очень, очень неплохо. Кофе? Лимонад? Пиво есть превосходное. Или виски?

— В такую жару? Впрочем, можно и виски со льдом, но на голодный желудок побаиваюсь. Я с утра не ел, некогда было. Нельзя ли сэндвичей?

Отдав распоряжение секретарше накормить гостя, Моррис продолжил:

— Все, что ты сказал, Патрик, очень хорошо. Однако, я пригласил тебя, чтобы обозначить более важные задачи. Задачи, так сказать, стратегического значения. Мы оба понимаем, что рано или поздно и ты, и я окажемся на пороге между жизнью и смертью. И ты, и я не верим поповским бредням о бессмертии души, а если это не так, то место на небесах не продается. Зато продается местечко в вашем «зазеркалье», и это местечко мы с тобой должны сделать максимально комфортным для нас. Что нас ждет после РИЧ: старушечьи пасьянсы да скучные сплетни? О нет, не говори мне о путешествиях и музеях — прервал он пытавшегося возразить Патрика: — для меня любая захудалая пивнушка веселее развлюхи-Колизея, а глиняные черепки всяких там древних кувшинов по мне надо опять закопать. Тоже мне, нашли ценности, а попросту хлам.

Мелодично открылась дверь, впустив секретаршу, и аромат свежееиспеченных круассанов заполнил кабинет. Пока очаровательная Салли расставляла на кофейном столике угощение, демонстрируя в наклоне оголенные по самое «не хочу» стройные ноги, мужчины молчали. Моррис жестом пригласил гостя пересесть к закускам и сам поднялся, тяжело и хрипло дыша. Морган отметил про себя его излишнюю полноту и одышку: « Недолго мне придется ожидать этого клиента».

Едва девушка скрылась, Моррис игриво поцокал языком: — Где мои семнадцать лет? Неужели «там» невозможно каким-то образом воспроизвести хотя бы подобие плотских утех? А, Патрик?

— Исключено — решительно отрезал Морган, набивая рот сэндвичем с беконом. Прожевав, стал как можно доходчивее объяснять: — осязание, обоняние, вкус, а тем паче половое влечение за пределами наших исследований. Биологический мозг обрабатывает данные не только с помощью электрических импульсов, но также через химические реакции на синапсах. Воспроизвести динамику нейронных связей, учитывая еще и влияние гормонов, совершенно невыполнимо. В человеческом организме более пятидесяти гормонов, и для выработки их нужны железы, кровь, желудок. Нет, ни один сверхмощный компьютер не сможет смоделировать такой мозг. Наши успехи по переносу сознания стали возможны только благодаря прорыву в увеличении мощности квантового компьютера до пяти миллионов кубитов, но и это ничтожно мало. Мы не боги. Кроме того, мы сильно стеснены в потреблении электроэнергии. Она очень нужна людям. Ее хватило бы им с лихвой, но мы отнимаем львиную долю на свой проект. Номо Lux поглощают ее в безумных количествах, и эта прожорливость не доведет нас до добра. Я боюсь, что народ взбунтуется. Склады во всем мире забиты бытовыми приборами, автомобили бесхозные прямо на дорогах стоят, а пользоваться нельзя.

Моррис усмехнулся.

— Не взбунтуются. Уж мы позаботимся устремить взоры плебса в «светлое будущее». Наши пропагандисты уже без усталости вдалбливают в мозги всех народов на всей Земле, что трансформация человека скоро станет всем доступной и дешевой, что электронные мозги ничем не хуже, и кроме того, они бессмертны и там, в зазеркалье, их ждут неземные радости. Правда, попасть туда смогут только правильные мальчики и девочки. Если не успеют сами, значит, туда попадут их правильные детки. Надо только потерпеть немного в нашей земной юдоли. Попы тысячелетиями обещают прихожанам царствие небесное, и ничего — до сих пор народец лбами стучит в церковный пол ради райского блаженства на небесах. Патрик, это беспроегрышный вариант! Лапшу народу на уши вешать не мы первые придумали. Не роптать они будут, а пахать во имя этого светлого будущего, восславлять это будущее, а ты станешь их новым мессией.

— Богохульник Вы, мистер Моррис. Тут есть один нюанс. — возразил Патрик, проглотив очередной кусок бекона: — непослушным мальчикам и девочкам церковь грозит вечными муками, а чем будете грозить Вы? У Вашего Мирового Правительства нет армии, полиция слаба. Какие репрессии вы можете применить к бунтовщикам?

— Тут совсем просто. Репрессии будет применять Арахна.

— И как же у вас получится обойти первое правило без-

опасности? Арахна не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

Моррис рассмеялся:

— Наивный ты человек, Патрик. Кроме своих синапсов с нейронами тебя ничего больше не интересует? Это правило позаимствовали у одного писателя-фантаста из двадцатого столетия. Все его три закона робототехники так и остались утопией, а люди с остервенением истребляли друг друга с помощью роботизированного интеллектуального оружия. Но решено было все эти три закона применить к Арахне. Только вот незадача: в мире полно случаев, когда действия в пользу одних людей наносят ущерб другим, а действовать надо немедленно. Повсюду встречаются катастрофы, где кем-то жертвуют, спасая других. Ты разве не знаешь, что Арахна в этом случае работает по разработанному для нее уставу? Она будет спасать большинство независимо от статуса погибающих людей. Мы поправим устав, и она будет спасать оставшееся человечество от единичных смутьянов, не согласных с нашим миропорядком, отключив у них дескрипторы. Мятежники просто сдохнут от голода, холода и болезней. Все это касается и бывших государств. Будем называть их просто народами. Если какому-то народу все это не нравится — пожалуйста в каменный век, господа. Каждый дата-центр, каждый сервер у нас под контролем, и любой нежелательный контент будет уничтожен немедленно. Мы владеем Арахной,

а это значит, что мы владеем миром. Поверь мне, никто не захочет сопротивляться.

— Вы думаете, у вас это получится? Ну... дескрипторы отключать?

— Уже получилось. Протестировали на некоторых мерзавцах. У тебя ДСП вшит?

— Разумеется.

Министр финансов потрогал пальцем свое ухо, как бы проверяя, на месте ли его ДСП. Эта штука стала незаменимым атрибутом каждого. В нем закодированы все основные данные владельца. По требованию хозяина этот чип связывается с его личным кабинетом на любом сайте Паутины и выводит результаты на экран. Он одновременно и телефон, и кошелек, и медицинская карта, через него расплачиваются за товар, заказывают обеды на дом, слушают музыку... Долго можно перечислять функции дескриптора. К разгулу вируса Банги 87 уже весь мир был оцифрован, и народ гулял с прошитыми ушами везде, кроме нескольких богом забытых уголков Земли, куда и добраться-то было сложно. Моррис продолжил:

— И у меня вшит. И у каждого цивилизованного человека. Без него вам ни хлеба не продадут, ни в транспорте не прокатят. Удобно до поры до времени, пока не стал бунтовщиком. Мы же не будем заставлять Арахну убивать. Она просто отключает ДСП и больше этого человека не «видит», а тот теряет все — работу, учебу, деньги, даже семью. Мож-

но и не отключать. Тогда легко вычислить местоположение злодея и... нейтрализовать. Способы найдутся.

— Можно жить тайно без ДСП на иждивении семьи, друзей.

— Можно... в постоянном страхе, что отключат и тех, кто его скрывает.

— А если человек нецивилизованный, живет в захолустье, где еще не внедрили дескрипторы?

— Их, скорее всего, не осталось. Эти люди лишние для нашей цивилизации. Не зря же Вы распространили вирус в первую очередь там, где они жили.

— Я? — доктор Морган от изумления широко раскрыл глаза:

— Я н-ничего не распространял....

— Возможно. Но ведь ты знал о том, что готовится пандемия. С тобой связывались сотрудники из Глэдстоуна, из института вирусологии. Консультировали тебя. И это было, когда об этой заразе еще никто и не слышал. Девять десятых от человечества исчезло, а у тебя и в институте, и на стройке в Одессе хоть бы один в ящик сыграл. Если начнут под тебя копать, ты это сможешь объяснить? Не сможешь, а у нас есть документы о причастности Вашего Центра к разработке Банги 87. — в голосе Морриса зазвенела сталь.

Морган вспыхнул, хотел что-то сказать, но осекся. Он не имел никакого отношения к созданию Банги 87, да и не мог иметь. Вирусология не его профиль, но тогда, когда к нему

нагрянули внезапно вирусологи из Глэдстоуна, он догадался, что затевается нечто страшное, не поддающееся объяснению. Моргану открыли часть сатанинского плана лишь для того, чтобы суметь защитить его сотрудников от вируса, о котором он и не знал ничего. Его просто предупредили, что есть опасность заражения каким-то неисследованным вирусом, и взяли подписку о неразглашении государственной тайны. Кроме того, проинструктировали, как накормить вакциной быстро и незаметно своих работников. Люди, конечно, ни о чем не должны знать. Вакцину в виде обычной ряженки и творожка ему отгрузили в тот же день. Еда как еда. Морган сам помогал устроить дефицит продуктов, и эта чертова ряженка выпивалась его людьми на «ура». В то время, не понимая еще размах готовящегося преступления, он молчал, спасая этим себя от неприятностей. Сейчас он сидел, вжавшись в кресло, его бил озноб. Наклонившись, взял со стола бокал виски. Выпил залпом. Министр финансов ухмыльнулся.

– Да не волнуйся ты так, Патрик. В правительстве адекватные люди, все понимают, что сделано очень нужное дело. Население планеты пропололи, повыдергивали ненужные для цивилизации сорняки. Честно говоря, мы боялись, что вымрут все, кто целебной ряженки не попробовал. Вот тогда была бы настоящая катастрофа!

Хозяин кабинета раздвинул жалюзи. За окном быстро темнело. Манхеттен вздыбился пиками чёрных небоскребов.

Только редкие светящиеся окна да мутные фонари зажглись кое-где с наступлением сумерек. Моррис продолжил, но уже мягким вкрадчивым голосом:

— Патрик, тебе надо выступить на Всемирном Совете с предложением уравнивать Ното Лух с людьми.

Морган энергично замахал руками:

— Нет...нет!

— Патрик, пойми, это наше с тобой будущее. Люксы должны иметь все те права, которыми обладали до трансформации. Ну, объясни мне, непонятливому, почему личности в здравом уме и твердой памяти лишаются по нынешним законам всего своего имущества, капитала, своих должностей только потому, что лишились тела? Понятно, что жены становятся свободны от уз брака — муж без плоти бабам зачем? Не-е-т, законы надо срочно менять, чтобы люксы хотя бы деньги не теряли и могли управлять своими компаниями, а главное — имели право избирать и быть избранными в любой орган власти. Дорогой Патрик, когда попадем в зазеркалье, мы с тобой тогда в такие шахматы сыграем! И будет для нас шахматной доской весь земной шар! Эту игру я сумею устроить, и начинать надо уже сейчас.

— Но.... Господин Моррис — изумился Патрик Морган: — люксов нельзя допускать до управленческих функций, по крайней мере в их нынешнем состоянии. У них эмоциональный фон едва ощутим. Два основных инстинкта при переходе в Ното Лух теряются навсегда: пищевой и сексуальный.

Как Вы знаете, сытый голодного не понимает. Вот они и задвинут при управлении на задний край все, что связано с этими инстинктами, а это, представьте себе, не только еда и размножение, это предпринимательство, искусство, культура, религия. У них не подавляется только один инстинкт — самосохранения. Наблюдения показывают, что он является доминантой в их поведении, и они смогут порядком навредить человечеству, займей они власть и деньги. Пусть уж развлекаются, как дети в песочнице, в своем зазеркалье без прав и обязанностей, пока им это не надоест, а уж мы постараемся эти развлечения как-нибудь разнообразить. Знаете, как называют их у нас в институте? «Цифирики.» Если...

— Господин Морган! — зло прервал его Моррис: — Вам надлежит сделать то, о чем мы Вас просим! Нас немного, но у нас неограниченная власть. Надеюсь, Вам не надо перечислять, кого я имею в виду. Если Вы считаете себя неуязвимым, то глубоко ошибаетесь. Вы рискуете потерять все! А у Вас жена и сын. Так Вы выступите на Всемирном Совете?

Морган опешил от такого наглого наскока. Сказать «нет»? В таком случае он не сможет защититься, если министр финансов осуществит свои угрозы. Он знал не понаслышке, что у нынешних вершителей судеб человеческих власть без границ и к тому же добродетелью они не страдают. Помедлив, спросил:

— Когда Совет?

— Через неделю, во вторник. Так выступите или нет?

Морган молчал. Наконец, понимая, что пауза затянулась, еле слышно произнес:

— Да.

— Вот и славно. Патрик, давай выпьем за наше светлое будущее, за наш бесприоритетный вариант — повеселел Моррис, снова переходя на добродушный тон, и наполнил бокалы очередной порцией виски: — Мы таких дел наворотили, что нас и растерзать могут, если узнают, а чтоб не растерзали, нам нужна безраздельная власть. Во имя будущего человечества, разумеется. Плебс должен поверить, что у нас благие намерения, а благие намерения мы как-нибудь сочиним.

Патрик снова выпил залпом, не морщась и не закусывая. Сейчас ему было совершенно наплевать на хорошие манеры. Моррис что-то еще ему рассказывал, но изрядно захмелевший собеседник плохо его понимал. Он только согласно кивал головой, выискивая момент для того, чтобы уйти. Не найдя его, оборвал министра на полуслове, затем поднялся с кресла и стал прощаться, ссылаясь на неотложные дела. Шаткой походкой поплелся к выходу. Не сразу сел в свой бронированный Пегас, стоял, качаясь у открытой дверцы машины. «Благие намерения... Благие намерения» — вертелись слова в отяжелевшей от алкоголя голове: «От меня требуют сотворить ад на земле, и он будет полон благими намерениями». Доктор Морган неуклюже плюхнулся в автомобиль, буркнул: — Домой. В Портленд.

Машина покатила по слабо освещенным улицам, затем,

набирая скорость, оставила город позади. «Интересно, следят ли сейчас за дорожным полотном, за безопасностью дорог?» — подумалось ему. Морган мчался по хайвэю со скоростью сто шестьдесят миль. Он представил, как Пегас вместе с ним вылетает с дороги в пустоту, в пропасть, небытие, но страха не почувствовал. Одним человеком меньше на земле, какая разница? Земля за два года миллиарды человек потеряла. Ему стал мерещиться тошнотворный запах разлагающихся тел. Вспомнил он, как это было в пандемию: фургоны похоронных команд, доверху набитые трупами, лежащие прямо на улицах скрюченные от боли умирающие и везде эта ужасная вонь. Живот скрутило болезненным спазмом, накатила волной тошнота. Как он позволил втянуть себя в эту ужасную авантюру? Он, ученый с мировым именем, весь без остатка преданный науке, всегда считавший себя порядочным и честным человеком, вдруг оказался чудовищем. В случае с Банги он не виноват, его нелепо и неумело попытались выставить одним из виновников великого мора. Но он же промолчал тогда! А сейчас, если он сыграет по их правилам, он навсегда останется в истории не как великий ученый, но как великий негодяй. А если не сыграет? Что тогда? Его «цифирики» не могут считаться полноценными людьми! Он откажется! Он очень важен для Морриса, для его грядущей трансформации, и тот не посмеет с ним расправиться. Тут же его решимость сдувается. Проект РИЧ может теперь развиваться и без него. Все поставлено на поток, и новые

люксы ежедневно появляются в стенах его Центра. Морган дал мощный импульс проекту, определил его направление, но сейчас его «могучая кучка» выдает такие открытия! Один Дик Гордон чего стоит. А этот Моррис просто дебил! Беспроигрышный вариант! Только тупые бараны будут жевать его лапшу со своих ушей. А вот он не хочет сам этой трансформации, и в зазеркалье жить не хочет. И просто жить не хочет. Отравиться что ли? «А ты скажи что-нибудь против на Совете, объясни, что «цифирики» еще не люди — тебя и отравят... или повесят» — заворчал внутри него противный голос — «можешь и не объяснять — тебе даже промолчать не дадут, все равно убьют. Может и не убьют, а отправят на тот свет Эмму и Вилли». Вспомнив жену и сына, Патрик окончательно потерял самообладание.

— Парковка... Пегас, парковка — прорычал Морган и вывалился из послушно остановившегося автомобиля. Безудержная рвота вывернула наизнанку желудок, испачкала костюм и ботинки.

«Помоги мне, помоги!» — вырвался из него пьяный вопль, слезы покатались из глаз. К кому он обращался, Морган и сам не знал. Не верил он ни в бога, ни в дьявола, а дьявол взял, да явился ему сегодня во плоти и потребовал отдать ему душу.

— Фу, как мерзко нафантазировал — пробормотал Морган и, громко икнув, спросил кого-то вслух:

— Жить или не жить?

«Надо жить» — пискнул внутри него тот же противный голос.

Глава 2. Антон Ильич

Антон Ильич проснулся от тихого шороха на кухне. Это Иришка, дочка, встала чуть свет и собирается на Ладожское озеро кататься на катере и ловить рыбу. Натянув халат и сладко потянувшись, зашаркал по коридору. Увидев заспанного отца, Иришка всплеснула руками:

— Ну вот, разбудила все-таки. Батенька мой, я и без тебя соберусь. Что ж ты поднялся в такую рань?

— Вот провожу тебя и лягу. У меня сегодня свободный день. На какой час такси заказали? Беспилотное или с водителем наняли?

— Так сейчас они все беспилотные. Не следишь ты, батенька, за жизнью.

— Еще не хватало мне за такси следить! У меня свой конек в стойле, полторы тыщи лошадиных сил.

— Уже едет такси. Лева заказал. Только провожать-то меня зачем? Мы завтра уже дома будем.

Лева, жених Ирины, ему не нравился, но ребята знали друг друга давно, были дружны и никогда не ссорились. Приходилось мириться с выбором дочки. Такси подкатило к дому. Лева не стал заходить в квартиру, только попросил подругу шевелиться побыстрее. Иришка затараторила:

— Папочка, я тебе заказала завтрак на девять часов. Все, что ты любишь. Или слишком рано? Перенести заказ на де-

сать?

— Нет, донюшка, в девять оставь.

— Как доеду— позвоню. Не скучай без меня.

Ириша чмокнула отца в щеку и, подхватив спортивную сумку, выпорхнула на лестничную площадку. Антон Ильич окончательно проснулся и никак не мог придумать, чем бы себя занять. Свободные дни выпадали у него редко. Тогда он читал книги, слушал классическую музыку или бродил по городу. Сегодня ничего из этого ему не хотелось. Накатили воспоминания.

Антон Ильич Сумин, сухощавый шестидесятилетний мужчина с тонким выразительным лицом интеллектуала жил в этом доме на Невском проспекте с самого своего рождения, как и отец его, и дед. Даже после того, как дела его строительной компании пошли в гору, и он вошел в петербургскую финансовую элиту, Антон Ильич наотрез отказался покидать свою квартиру ради престижного современного жилья, хотя она уже не соответствовала его статусу. Он любил этот старый дом, набережную Мойки за своим окном, Дворцовую площадь и Александровскую колонну с ее великолепным ангелом. Давным-давно, в девятнадцатом веке это была просторная купеческая квартира, состоящая из восьми комнат. В Советской России она была обезображена деревянными перегородками, разделившими ее на многочисленные комнатухи, в которые заселились мелкие служащие и прочий небогатый люд. Предкам Антона Ильича тогда доста-

лись две крохотные каморки. После разворота страны к капитализму прадеды его стали выкупать одну за другой комнатки, а позднее Антон Ильич приобрел уже все оставшееся пространство. В квартире был сделан грандиозный ремонт, перегородки безжалостно снесены и закуплена дорогая итальянская мебель. Впрочем, Антон Ильич никогда не гнался за роскошью и богатством, не нанимал для себя охрану и искренне презирал раздобревших на воровстве и взятках государственных чинуш.

До недавнего времени жизнь Антона Ильича протекала без особых потрясений. Он владел крупной строительной компанией «Вектор», имел красавицу-жену Веру, посвятившую свою жизнь семье, но важнее всего для него была дочка. Она была поздним ребенком. Супруги уже отчаялись ждать, когда судьба после пятнадцати лет брака распорядилась наградить их дочерью.

Несколько лет назад, перед началом пандемии это было, из Америки к нему обратились со странным предложением. Центр цифровой трансформации личности предложил ему «Вектору» сделку по строительству комплекса зданий в Одессе, куда этот Центр намеревался перебраться. Сам Центр находился в Портленде штата Мэн, и его директор Патрик Морган на вопрос, на кой ляд им сдалась Одесса, честно ответил:

— Нам необходимо потреблять большое количество электроэнергии, да к тому же без перебоев. В США находится

подавляющее большинство серверов экосистемы Арахна, а тут еще и мы со своими Номо Лух. В Америке нам с ними тесно стало, электроэнергия в дефиците. Центр надеется на сибирские реки, вырабатывающие ее в достаточном количестве. Антон Ильич недоумевал:

— Почему тогда не Красноярск или Новосибирск?

Патрик Морган рассмеялся:

— Видите ли, моя «могучая кучка» (да-да, те самые ребята, что вывели новый вид человечества) изнежена теплым климатом Портленда, красотой миллионов роз на его улицах и близостью Атлантического океана. При слове Сибирь у них начинается нервный тик. Я даже на Одессу их с великим трудом уговорил. В России все равно источники электроэнергии объединены в единое энергетическое кольцо. В Одессе электричество подороже будет, чем в Красноярске, но это для нас несущественно.

Проект был очень сложным, но и невероятно выгодным, к тому же очень хотелось узнать об этом научном центре как можно больше не из журнальных репортажей в Паутине, а из первых рук, от самих создателей загадочного для всех вида Номо Лух. О люксах не говорили разве что младенцы. О них спорили: то ругали, то хвалили, но в большинстве своем возлагали на них надежды, как на будущее человечества. Когда нагрянула пандемия, строительство в Одессе только начиналось. Там Антон Ильич проводил большую часть своего времени, контролировал даже мелочи. Иришку летом взял с со-

бой. Пусть понежится у теплого моря, погрееется на горячем южном солнышке, ведь Петербург солнечными днями особо не балует.

Первые сообщения о смертельном вирусе Банги 87 настояжили, но паники не вызвали. Трагедия разыгралась в далекой Африке, но уже через несколько дней мор охватил Австралию и Южную Америку, и справиться с ним не было никакой возможности. В последних числах августа Антон Ильич привез дочку домой: ведь скоро в школу, хотя он серьезно подумывал запереть ее вместе с женой в квартире и не выпускать на улицу ни под каким предлогом, но не успел. На второй день своего возвращения, глядя на раздевающуюся Веру, он увидел бледную сыпь на ее груди. Вера испугалась не на шутку и тут же выгнала его из комнаты, заперлась. Он скребся в дверь, боясь разбудить спящую дочку, шептал с отчаянием:

— Верочка, послушай. Зараза еще не дошла до нас. Впусти, я тебе хотя бы жаропонижающее дам. У тебя же температура поднялась.

Вера была непреклонна:

— Антоша, милый. Подождем немного. Если это Банги, то мне уже не pomoжешь. Я открою потом. Завтра.

Хлебнув для профилактики изрядную долю коньяка, он всю ночь просидел под дверью спальни, с ужасом слушая надрывный кашель жены, внезапно появившийся вслед за сыпью. Утром кашель затих, из спальни не доносилось ни

звука. Скорая помощь приехала только утром, когда все уже было кончено — Вера была мертва. Медики приехали в герметичных скафандрах, похожие на космонавтов, но даже такое одеяние не могло скрыть их усталость и едва передвигающиеся ноги. Антон Ильич, сумевший к тому времени вскрыть дверь, сидел на полу у мертвого тела жены, положив голову на кровать. Диагноз поставили моментально — Банги. Насмотрелись на него за ночь достаточно. Вирус оказался невероятно заразен: всего за одни сутки от своего появления в городе успел убить сотни людей. Как будто его кто-то с неба сыпал. Врачи мягко, но решительно отстранили хозяина, забрали безжизненное тело Веры, не разрешив даже приблизиться к ней, затем облили всю квартиру какой-то жидкостью из большого пульверизатора, обработали той же жидкостью Антона Ильича и испуганную, ничего спросонья не понимающую Иришку. Напоследок запретили на неделю выходить на улицу под угрозой уголовного наказания. Один из «космонавтов» посоветовал вообще на улицу не высовываться, если не подхватили заразу от усопшей. По сводкам Минздрава вирус расправляется со своей жертвой от нескольких часов до пары дней. Напоследок добавил:

— Если за два дня не заболеее, считайте, что вам крупно повезло.

Воспоминания трехлетней давности нахлынули сегодня на Антона Ильича с такой ясностью, как будто это было только вчера. Он вспоминал, как каждый день с тревогой осмат-

ривал лицо и живот дочери, как соскакивал в холодном поту ночью и бежал к ее спальне проверить, дышит ли она. Он отключил тогда в ее комнате Паутину, чтобы девочка не видела те ужасные репортажи из всех уголков планеты, которые не каждый взрослый мог переварить, а ребенку они просто сломали бы психику. Пандемия Банги 87 свирепствовала на всех континентах. На новостных каналах мелькали мрачные картины апокалипсиса: мертвые тела на улицах, корчившиеся в муках умирающие. Тысячи трупов заваливали бульдозерами в карьерах, спускали в отработанные шахты. Без гробов, без ритуалов. Там, где некому было избавиться от жертв беспощадного вируса, они до сих пор остаются непогребенными. Страшно заглядывать в такие места. Даже спустя годы еще не исчез смрад разлагающейся плоти, ужасны безлюдные улицы, густо усеянные человеческими костями, черепами, остатками одежды, растащенные зверьем и одичавшими собаками. Казалось тогда, что на планете не выживет никто, но случилось чудо — беспощадный вирус как возник внезапно, так же внезапно и исчез. Уже через два года не было ни одного случая заражения.

Строительство в Одессе возобновилось, заказчик торопил. Оно не давало Антону Ильичу раскиснуть, уйти в себя. Надо было заботиться об Ирине. Она тяжело пережила смерть матери, быстро повзрослела. В школу после снятия карантина возвращаться не захотела, готовилась к поступлению в университет самостоятельно и вела домашнее хозяй-

ство. За отцом присматривала, как за малым дитем: следила, чтоб поел вовремя, был одет и обут прилично, а на его возражения, что он и сам может о себе позаботиться, ласково отвечала:

— Батенька мой Антон Ильич, не противься. Мне это только в радость.

В России, а в Петербурге особенно, вирус оказался не таким разрушительным, но лиха все равно хлебнули. Антону Ильичу было удивительно, почему африканская зараза пощадила его и дочку. Ведь он с Верой спал в одной постели, в предыдущую ночь перед ее гибелью они занимались любовью и даже пили шампанское из одного бокала. Второй нечаянно разбили, а идти в столовую за новым было лень. Иришка тоже по приезде домой из солнечной Одессы кинулась к маме с порога, и Вера целовала ее в пухлые загорелые щечки. Еще более удивительно, что зараза не затронула рабочих на стройке Центра трансформации. Часто Антону Ильичу становилось не по себе. Строящийся Центр скоро начнет работать, отсекая сознание человека от его брэнного тела, и сознание после этого может существовать бесконечно долго. Костлявая смерть как будто специально не трогала этот Центр, давая несчастному человечеству надежду на то, что она не так уж страшна и непоправима, что есть где-то дивное «зазеркалье», где она не имеет над ним власти.

Сегодня, глядя из окна на темную полосу Мойки, на богом забытый ржавый прогулочный катер, пришвартованный к

берегу, Антон Ильич пытался понять, что же такого необычного было на одесской стройке, что отпугнуло грозную заразу. Карантин в Одессе объявили с запозданием, когда люди стали умирать по сотне в день. Строителям запретили выходить за пределы огороженного пространства, но находились сорвиголовы, ускользавшие в город на поиски бухла или травки. Однако, не заболел никто. «Надо рассказать все Роману Нечаеву. Он, возможно, размотает этот клубок» — подумал Антон Ильич. Роман работал в НИИ вирусологии имени Пастера, имел какую-то научную степень. Антон Ильич познакомился с ним на свадьбе этого Романа с Анечкой, закадычной подружкой дочери.

Посыльный автомат из ресторана предупредил о скорой доставке завтрака. Пришлось срочно одеваться и спускаться с третьего этажа. Дом был очень старый и лифта не имел, а посыльные автоматы, прозванные в народе почему-то «горбунками», без грузовых лифтов взбираться не умеют. Разгрузив горбунка, Антон Ильич с пакетами вернулся в квартиру. Отметил с неудовольствием усталость и одышку: «Да, старею потихоньку. Будем считать, что утреннюю пробежку сделал». С аппетитом позавтракал, мысленно поблагодарив дочку за удачно подобранные блюда. Прилег на диван. На душе было тревожно. Дочь не звонила. Не случилось бы чего. Жених у нее безбашенный, да и Иринка та еще экстремалка. Под легкую музыку Антон Ильич задремал. Звякнул вызов—Лёва. Далее все завертелось как в кошмарном сне.

— Ирину везут в травматологию... да, без сознания... лодка столкнулась с катером, Ира упала за борт... попала под винт... врачи скорой помощи говорят, что все плохо....

Сразу ставшие ватными ноги не слушались. Время бега до машины показалось непростительно медленным, хотя прошло не более минуты. Хрипло скомандовал подкатившему на зов автомобилю:

— До травматологии Вредена.

Машина рванулась с места

—Быстрее, ну быстрее же — торопил несчастный отец машину — Что ж ты ползешь-то, как тарантас.

Когда добрался до клиники, дочь уже увезли в операционную. Антон Ильич, сгорбившись, с посеревшим лицом присел на диванчик и так и сидел, не двигаясь и потеряв счет времени. Долгое ожидание притупило страх. Ему казалось, что все это происходит не с ним, что это другой измученный бедой мужчина уставился неподвижным взглядом в пустую стену, а с ним этого произойти не может, потому что это было бы слишком страшно и нелепо... Наконец, массивный круглолицый человек в медицинском костюме подошел к нему и заговорил вкрадчивым сочувствующим голосом. Объяснил, что Ирина жива, но травмы чересчур серьезны, не совместимы с жизнью. Ее кончина лишь вопрос времени: несколько часов, максимум сутки. Решение приходит мгновенно: РИЧ. Другого выхода все равно нет.

— Доктор, мозг поврежден?

— Нет, голова в порядке. Только правая щека рассечена.

— Мне надо ее переправить в США.

— Господин Сумин, Вы вряд ли довезете ее живой.

— У меня личный самолет. Вы можете подготовить необходимое оборудование и персонал? Я все оплачу. Через пару часов можно вылетать.

— Хорошо. Я сам буду сопровождать, если руководство даст согласие.

Не теряя времени, Антон Ильич запрашивает Патрика Моргана. Тот ответил сразу. Узнав, что случилось, высказывает свои сомнения. Да, он сожалеет, но процедура РИЧ проводится только с согласия самого пациента, а тут еще бессознательное состояние и, возможно, травма головы. Вряд ли что-то получится. Да, и еще... Она так молода. Они еще не делали РИЧ таким молодым. Девушке сколько? Двадцать один?

Любые деньги.... Плевать на правила! Он тоже причастен к проекту своей деятельностью... В случае неудачи? Нет, претензий не будет...

— Что ж, если довезете живой — попробуем: — завершает разговор доктор Морган.

Уже через час скорая с сиреной мчится в Пулково. Томительный перелет. Антон Ильич не отрывает взгляд от белого, почти неузнаваемого лица дочери, смотрит на багровую рваную рану через всю щеку. Лишь бы не прервалось дыхание, не остановилось сердце.

В аэропорту Портленда их уже встречали. Машина подка-тила к самому трапу и, забрав пациентку с сопровождением, с надрывным воем сирены рванула с места.

Процедура РИЧ прошла успешно. Опасения доктора Моргана не оправдались. Обычно на РИЧ уходит около месяца. Человеческий мозг содержит восемьдесят шесть миллиардов нейронов и около квадриллиона синапсов, и разобраться в их взаимодействии ранее было почти невозможно. Ученые топтались на месте, пока доктор Морган не выдвинул идею не одномоментного, а медленного и избирательно-го замещения живых нейронов цифровыми. Мозг подключается к компьютеру с помощью множества электродов. Цифровые нейроны встраиваются в структуру мозга постепенно, самостоятельно восстанавливают связи, нарушенные целенаправленным уничтожением нейронов живого мозга. В течение месяца человек и компьютер взаимодействуют как один организм. После полного замещения живых нейронов, ответственных за память и мыслительные процессы искусственными, тело подлежит уничтожению, ибо сознание и память полностью перетекли в виртуальный мир, но взаимодействовать с биохимическими реакциями в организме искусственный мозг уже не может.

С Ириной РИЧ продолжалась всего четыре дня. У девочки не было в запасе целого месяца: жизнь висела на волоске и поддерживалась только аппаратами. Несмотря на это, никаких отклонений в цифровом формате новоявленной Номо

Лух Ирины Антоновны Суминой не было выявлено. Она узнавала отца, отчетливо помнила все события из своей жизни за исключением смертельного ранения. Эти страшные сцены предусмотрительно удалили из ее памяти, чтобы не травмировать только что воссозданное сознание пациентки.

Тело дочки Антону Ильичу не отдали. Доктор Морган был очень занят или, вполне может быть, не хотел разрешить этот щекотливый вопрос. Незнакомый Сумину администратор недовольным назидательным тоном объяснил:

— Господин Сумин, в договоре на производство процедуры РИЧ черным по белому написано, что тело пациента подлежит немедленной кремации после отключения от системы жизнеобеспечения. Выдача праха родственникам категорически запрещена. Никто же не запикивает в колумбарий ампутированную руку или ногу и не носит ей цветы в память о ее заслугах на вашем жизненном пути. Ваша дочка жива, и хоронить ее как-то даже неприлично.

Возвратившись домой, Антон Ильич установил LUX-порталы для общения с Иришей у себя дома в Санкт-Петербурге, у закадычной подруги дочери Ани, но и слышать не хотел о портале в доме несостоявшегося жениха Левы. Впрочем, Лева не настаивал и даже был этому рад, а иначе попал бы он в щекотливое положение: невеста то ли есть, то ли нет, и другую невесту завести как-то неловко.

Прошел год после трагедии с Иришей. Сначала она посе-

щала отца часто. Ей было плохо от невозможности ощущать свое тело, и хотя она не могла испытывать боль, какие-то панические атаки были сродни боли и страху. Потом они прекратились, девочка успокоилась, нашла себе новые занятия и к отцу являлась все реже и реже. Да оно и к лучшему. Антон Ильич давно понял, что его ласковой и озорной дочки нет, а то, что осталось от нее, оказалось насмешкой судьбы над его непомерным горем. Эта новая Ириша не забывала поздравлять его с праздниками, интересовалась его делами, выражала сочувствие неудачам. Вот именно — выражала. Как мало-знакомый собеседник, потому что так принято и еще потому, что она сама ощущала свою эмоциональную ущербность, и память о прошлом помогала ей восполнить эту ущербность набором подходящих для случая стандартных фраз. Она по-прежнему называла отца «батенька мой Антон Ильич», но в произношении ею этой фразы он не чувствовал ни ласки, ни заботы. Леву она забыла, если вспоминала, то холодно и вскользь. Зато Ириша с гордостью сознавала, что у нее гибко и мощно стало работать мышление, и она любила выставлять это напоказ при каждом удобном случае. Явившись к отцу, она могла нагрузить его теориями о симбиозе Номо Lux с искусственным интеллектом, ни разу не спросив о его самочувствии, а потом, скороговоркой пробормотав «батенька пока-пока», улетала в свое непонятное его разуму вместилище. Антон Ильич ясно осознал, что сделал в надежде спасти дочь вопиющую глупость, обрекающую его на муку, которую

нести ему придется до конца своих дней.

Глава 3. Анна

Первая партия беляшей, румянясь и пузырясь, шкварчала на сковородке и разносила по кухне аппетитный аромат поджаренного теста. Аня деловито хозяйничала у плиты. В свои двадцать два она выглядела почти подростком: невысокая, худенькая блондинка с короткой стрижкой. Цветастый фартук и такая же косынка на голове — вещи, давно позабытые в современном мире, для нее были обязательными атрибутами в хозяйстве. Девушка то и дело поглядывала на старинные часы в углу комнаты — скоро придет Рома с работы, как бы не остыло все к его приходу. Надо, чтоб поел с пылу с жару. В Питере народ давно перешел на заказы готовой еды на дом, однако Аня ни за какие коврижки не согласилась бы отказаться от домашней готовки. Ей нравилось наблюдать, как голодный Рома поглощает ее борщи и котлеты, нахваливая ее кулинарные изыски.

После того, как от вируса Банги умерла ее мама, а следом трагически погибла закадычная подруга Ирина, Рома остался единственным значимым человеком в ее мире, за ним она готова была идти хоть на край света.

Пандемия, слава богу, прошла, вроде и успокоиться пора, но тревожные мысли не покидают девушку. Они роятся в голове и множатся с каждым днем. В мире творится что-

то непонятное, мрачное. Пока не гроза, но уже наползают с горизонта черные тучи, громыхает еще не над головой, но уже совсем рядом. На прошлой неделе закрыли лицей для особо одаренных детей, где она работала учителем английского языка. Устроиться в школу не получилось: английский выбросили из школьной программы, посчитав его бесполезным. Зачем он нужен, если в ДСП всегда можно активировать Толмач, и он качественно переведет на любой язык что речь, что текст. Рабочих вакансий полно, и Аня, конечно, найдет себе занятие, но хотелось бы, чтоб оно по душе пришлось. Поговаривают, что институт Пастера, где работает ее Рома, тоже закроют. Там платят и так копейки, сотрудники держатся на чистом энтузиазме, понимают, что их дело необходимо. Тут даже не в работе дело. У городских властей нет денег для восстановления нормальной жизни Санкт-Петербурга, а Всемирный Совет этой проблемой совсем не озабочен.

Мелодично запиликал в ухе ДСП. По мелодии Аня поняла, что с ней просит связаться Ириша, да-да, та самая погибшая Ириша. Год назад над ней, умирающей, провели процедуру цифровой трансформации личности. В квартире Романа и Ани Нечаевых установили портал для призраков, как таких трансформеров стали называть в народе, и подруга частенько навещалась к ним в виде изображения на стенном экране. Сначала она была обескуражена, подавлена своим пребыванием в новом статусе. Ириша болезненно переноси-

ла отсутствие тела, ее жизнь не была заполнена такими привычными для каждого человека действиями, как утренний душ, завтрак, прогулка по улице, а еще у нее, как и у всех призраков, отсутствовали обоняние, осязание и вкус. Видеть и слышать она могла только в специальных порталах, правда их было предостаточно понатыкано по всему миру, и перемещение между ними не составляло никакого труда. Аня с готовностью утешала и ободряла подругу. Со временем Ириша успокоилась, снова стала уверенной и остроумной, и Аня с удивлением обнаружила, что перестала отождествлять вот эту, улыбающуюся с экрана молодую красавицу с её, Анютиной, Ириной. Сначала грешила на нейросеть — ведь это она формирует интонацию и выражение лица. Потом поняла — не в этом дело. Слова нейросеть не изменяет, и подруга могла сейчас точно и остроумно описать какую-либо ситуацию, но в ее словах не было теплоты. А ведь раньше Ириша писала неплохие стихи, чувственные и мелодичные. Теперь перестала.

ДСП пискнул еще раз.

—Трезор, прием — дала команду Аня на прием вызова. Тут же на стене появилось улыбающееся лицо Ириши.

—Привет, Ирина Антоновна. Как дела?

—Аннушка, какие дела? Шляюсь вот по музеям да кино-залам. Ты еще про здоровье спроси. Докладываю: печенка не беспокоит за ее полным отсутствием, артериальное давление на нуле, альцгеймер не посетил, зато слух и зрение как

у космонавта. Аппетита нет, уже больше года не кушала. Ты, я вижу, беляшки соорудила. В былые времена я бы у тебя прямо со сковородки подхватывала, а сейчас даже слюнки не текут. А вы как? Наследников еще не ожидаете?

—Нет. Мы решили подождать немного: вон что в мире творится. Я мамочку свою похоронила, ты свою маму тоже. — Голос у Анны задрожал: — Вдруг пандемия вернется? Не хочу больше никого хоронить.

—Пандемия давно прошла. Рожай уж. Если что, мой папа всегда вам поможет, я попрошу. Кстати, он не болеет? Он со мной очень мало разговаривает и всегда серьезный такой, брови хмурит. Совсем на себя не похож. Болеть ему уже не страшно: местечко среди призраков он себе наверняка зарезервировал.

—Ирина! — прервала Аня: — Антон Ильич еще крепкий. Пусть живет на белом свете, а туда еще успеется.

—А я на каком свете? На черном? — парировала Ирина: — Наше официальное название Ното Лух, люди из света, потому что мы не подвластны больше человеческим низменным страстям. Чистые разумом. Помнишь, как я жаловалась тебе, что ужасно не ощущать своего тела, ужасно не чувствовать вокруг себя пространства. Я даже не знала, чем себя занять. Хотелось просто раствориться, а теперь мне комфортно. Правда, здесь все по-другому, даже желания ощущаются не так: скорее это настойчивое стремление к цели. А чувства... чувства — нужны ли они мне теперь? Это как... Вот

ребенок плачет по сломанной кукле. А когда повзрослеет, ему это кажется такой ерундой. Сейчас нас, люксов, больше всего волнует, что остро не хватает электроэнергии для нашего содержания. Как бы нас не ограничили в действиях. Еще слухи прошли, что те люксы, которые не смогли на «вашем» белом свете оплатить длительное полноценное обслуживание, смогут выбрать для себя оплачиваемое занятие, не очень обременительное. Что-то связанное с искусственным интеллектом или облачными технологиями. Вообще-то среди нас очень много спецов в этой области, и они что-то там разрабатывают абсолютно бесплатно для тренировки мозгов. Так они и оцифровались абсолютно бесплатно за научные заслуги. За меня папа на много лет вперед заплатил, а потом, говорят, это все бесплатно будет, и наступит для всех райская жизнь. Папа строит новый цифровой центр в Одессе, и Институт трансформации перенесут туда из Портленда. Из-за нас в Америке даже метро не работает, и вывески световые запретили, но когда центр переедет в Одессу, все наладится. Ладно, Анечка, мне пора. Сегодня у нас большая тусовка в Австралии. Чмоки-чмоки.

Протараторив всю эту галиматью, Ирина исчезла. Аня вдогонку кинула ей «до свидания», хотя экран уже был пуст. Она накрыла миску с выпечкой полотенцем, присела на стул. На душе стало тошно, как всегда бывает после разговоров с оцифрованной Ириной. Аня отбросила последние сомнения: Иришки больше нет. Ее милая, понимающая все с по-

луслова, подруга умерла, и она не будет искажать память о ней, признавая вот эту оцифрованную куклу, что была нелепым осколком молодой разбившейся жизни.

Из раздумий ее вывела возня в прихожей. Рома с работы пришел, и не один. Густой бас Романа перебивал звонкий веселый голос Чарли.

—О, боже! Что за райские запахи! Чарли, у нас праздник живота! Тарам-там-там—пропел Роман и кинулся в ванную мыть руки. Чарли, невысокий чернявый американец со смешным хохолком на макушке вместо приветствия чопорно шаркнул ножкой и приложился к руке девушки. Ее это нисколько не смутило, потому что для Чарли целование Аниной руки стало чем-то вроде ритуала.

—Анечка, ви прельсть. — нарочито коверкая слова, провозгласил гость. За десять лет жизни в России Чарльз Стоун, микробиолог, друг Ромы и его коллега по работе, выучил русский основательно и разговаривал почти без акцента. В этом ему помогла Аня. Чарли же помог ей поставить американское произношение. Наконец, на кухню ввалился Роман, двухметровый русоволосый красавец с ярко очерченным пухлым ртом и веселыми серыми глазами. Аня засуетилась, раскладывая на столе тарелки.

—Не успела подготовиться. Ко мне Ириша приходила... прилетала.

—Явилась с того света — поправил жену Роман: — Анечка, ты же видишь, что это не она. Я всегда думал, что па-

мать и сознание—это и есть мое внутреннее «Я», но теперь, глядя на то, что сотворили с Ириной, я понимаю, что память без эмоций годится разве что для запоминания таблицы умножения. Любое воспоминание должно быть окрашено эмоциями. Иначе, зачем вообще вспоминать? Вот у меня через энное количество лет всплывет в памяти сегодняшний вечер и твои безумно аппетитные беляшки. Вспомню, как надкусывал поджаренный уголок и высасывал прорвавшийся сок, а часть сока все равно стекала на тарелку. Наконец, добравшись до начинки, я с наслаждением жевал нежное, приправленное солью и перцем мясо. А еще я любовался самой желанной в мире женщиной и таял от восторга, что эта женщина — моя жена. Вот так надо вспоминать сегодняшний ужин—чтоб слюнки потекли. Анечка, Иринка была роскошной девочкой: умная, красивая, чувственная. Я понимаю, что именно сейчас наука получила шанс провести эксперимент с сознанием человека после смерти его тела, и ни один ученый такую возможность не упустит. Другого не понимаю: зачем ради денег, пусть и огромных денег, они наплодили этих монстров? Кроме того, ученые дельцы водят народ за нос, утверждая, что их Ното Lux полноценные личности. Народ верит, потому что хочет верить. У подавляющего большинства нет опыта общения с призраками, как у нас с тобой. Они думают, что таким образом люди продляют свою жизнь, а на самом деле от них остается нечто похожее на искусственный интеллект. Разница в том, что ИИ уже сот-

ню лет верой и правдой служит людям. Призраки служить могут только себе, а так как они множатся из среды тех, у кого имеются деньги и власть, то это становится критически опасным.

Молчавший до сей поры Чарли возразил:

—Рома, зачем делить мир на людей и призраков! Я верю, что люксы не перестали быть людьми. Ведь когда-нибудь и ты, и Аня, и я, надеюсь, перейдем в это состояние. Нам всем обещают, что у каждого будет персональный генератор от солнечной энергии, и это будет совсем скоро. Солнца на всех хватит. Это будущее человечества, его бессмертие.

—Да на какой ляд мне это бессмертие сдалось, если я там свою Аньку любить не буду! Если там теплоты нет. — возмутился Роман.

—Рома, ты не прав. Среди людей полно жестоких бессердечных эгоистов. Ты же не меряешь всех по их меркам. Почему ты смотришь на люксов через призму общения с вашей подругой Ириной? У тебя пока нет других знакомых из той среды. Слышал в новостях о работах по практическому применению эффекта Мейснера? Это работы Отто Фризена и Джекобса Даймона. Эти люксы, продолжают заниматься наукой и после РИЧ. Это все для пользы человечества, Рома. Есть еще доктор медицинских наук Валентин Серов. Ты знаешь, конечно, что он и после РИЧ продолжает консультировать. Совершенно бесплатно, заметь.

Чарли намеренно употреблял слово «люксы», потому что

называть их призраками считал чем-то неприличным.

Роман поморщился:

—Ну-ну, блажен, кто верует. У этих ученых ДСП нет, значит и денег им не увидеть, как собственных ушей. Ах, да, уши тоже потеряны ими навсегда. Ты мне хоть одного поэта из них назови. Иринка тоже стихи писать перестала, как в зазеркалье поселилась. У тебя самого есть друзья из этих... ну, светлоликих? Чтоб они за тебя и в огонь, и в воду?

—Нет пока, слава богу. Ты к тому, что люксы недостаточно эмоциональны? Может быть, я не знаю. Но наука не стоит на месте. Кто знает, что будет потом.

—Кто знает, кто знает. Пофантазировал я на эту тему. Райских куш в будущем не наблюдаю, а картина вырисовывается безрадостная. Сейчас человечеством руководит Мировое правительство. Один только бог знает, из каких личностей он состоит и откуда они взялись. Они контролируют потоки всей общепризнанной нынче валюты—золота. Все экономические связи в их руках, Паутина, информационные каналы тоже, а, главное, ДСП каждого человека так же в их власти. Любого бунтовщика сотрут в порошок. Новости Всемирного Совета слушал? То один политик, то другой остороженько так, полушутя, ставит знак равенства между люксами и сапиенсами. Мало того, что эти правители-самозванцы воспользовались глобальной катастрофой и явились миру якобы как спасители человечества, они еще хотят «спасть» нас вечно, уже будучи призраками.

— Разве нельзя их свергнуть? У них нет армии. — отрицательно замотал головой Чарли.

— А у кого теперь есть армия? Ни у кого. Допустим, мы в России соберем повстанцев, найдется лидер, готовый повести нас в бой. С чем в бой пойдём? С ножами? Или мечей накуём? Весь мир добровольно отказался от взрывчатых веществ, они даже в горном деле запрещены. Пока никто не придумал, как обмануть детекторы. Они же сразу передают локацию на спутник, и лазеры выжигают хоть пулю, хоть межконтинентальную ракету в один миг. Дураков нет с огнем играть. Да это и правильно: войны, слава богу, везде закончились. Жалко только: не потому закончились, что человеколюбие победило, просто гонка вооружений да конфликты кровавые сейчас стали всем экономически невыгодны.

Чарли опять недовольно поморщился

— Рома, тебе не кажется, что ты сильно недооцениваешь все человечество, не только люксов. Мировые лидеры искренне хотели искоренить насилие.

— Дорогой ты мой Чарли. Если бы все были такими добрыми и наивными как ты! У человечества агрессия сидит в генах, и никакая религия за тысячи лет его не «причесала». Просто вооружение стало в какой-то момент невыносимо дорогим и сложным, что поставило на грань разорения вполне себе благополучные страны. Кроме того, сработал инстинкт самосохранения. Ведь достаточно было одного недоразумения, чтоб испарилось вмиг все живое на планете. Хорошо,

конечно, что нет войн, и оружия тоже нет.

—Но есть другие способы борьбы. У нас же демократия. Надо просто им не подчиняться, выбрать свое правительство, развивать свою экономику, отвязаться от Арахны, воссоздать все свое.

—Беда в том, что это Мировое правительство тотально контролирует Паутину. Любой ретранслятор, сервер при перепрограммировании мгновенно превратится в бесполезное железо. Отказ от ДСП приведет к голоду и болезням, экономика рухнет без технологий, без логистики, без компьютерного обслуживания. Нам придется откатиться в пещерный век. Девяносто процентов населения Земли на это не подпишется. Их мозги пластичны, наслаждаются сладкой водичкой, которую льют им в уши прошаренные пропагандисты. Ничего с этим не поделаешь: это биология. Когда их рабство станет слишком заметным, можно уже и не дергаться. Если заглянуть подальше в будущее, то можно увидеть сильно поредевший вид Homo Sapiens, усердно горбятящий спину на «будущее человечества» Номо Lux, и люксов, переместившихся в андроидов с индивидуальным генератором, которые гуляют по просторам матушки-Земли и не зависят уже от порталов присутствия.

—Ну ты и нагородил страстей, Роман. Даже думать об этом не хочу.

—Твое право, не думай. Тогда за тебя будет думать кто-то другой.

Глава 4. Всемирный Совет

Члены Всемирного Совета собрались, как обычно, в зале заседаний Совета безопасности ООН, переименованного в угодую международной обстановке в зал Согласия. Вся государственная атрибутика была убрана. Перед каждым членом стояла табличка с его именем, но не было указано государство. Этим подчеркивалось, что здесь нет разделения на нации, расы, территориальные анклавы или корпорации. Все основные усилия Совета направлены на восстановление рухнувшей после пандемии мировой экономики, логистики, организации централизованного здравоохранения, и, конечно, недопущения никаких международных конфликтов. Декларировать эти цели было нетрудно, на деле же зал заседаний всегда был наэлектризован от громких дебатов, а порой и безобразных скандалов. Уже месяц шли ожесточенные споры о том, каким производствам дать приоритет, какие закрыть, куда переместить трудовые ресурсы и следует ли их перемещать принудительно. Пандемия выкосила чуть ли не все население Африки, Австралии и Южной Америки, не пощадила и другие континенты, но там оставалась хоть какая-то цивилизация. Без бананов и модных салонов человечество обойдется. Без источников энергии жить можно, но не нужно. Дальше только каменные топоры и звериные шкуры. Естественно, без Арахны никак не обойтись, и она тре-

бует слишком много электрической энергии. Все производства надо было распределить по регионам, исходя из их промышленного потенциала и наличия рабочей силы. Представители России и Китая (хотя официально все члены совета являлись представителями единого и неделимого человечества, но все знали, откуда они и чьи интересы защищают) периодически поднимали вопрос о прекращении деятельности Центра трансформации личности и переносе всех Homo Lux в неактивную фазу. Слишком большую цену платит население планеты за их существование. Электричество нужно ему позарез как в быту, так и в промышленности. Их требования неизменно тонули в возмущенных возгласах оппонентов: дескать, это наше будущее, программу надо сохранять и развивать, биологический вид Homo Sapiens вот-вот погибнет то ли от глобального потепления, то ли от глобального похолодания — неважно. Строптивым политикам напоминали, что здесь не ООН, и право вето здесь не работает, а в случае чего их просто вышибут из Совета. В таком несусветном бардаке, что творился с мировой экономикой, когда закрылись все фондовые и валютные биржи, единственным надежным платежным средством было золото, а грузовые перевозки что по морю, что по суше были возможны только по разрешению Торгового комитета, брыкаться было бессмысленно. Мировое правительство заполучило в свое распоряжение львиную долю мирового золотого запаса, им контролировалась вся нефтянка от добычи до поставок конечному потре-

бителю. Для того, чтобы ни у кого на планете не возникло даже мысли о неподчинении, достаточно было пригрозить Арахной. Отключение от нее влечет за собой коллапс любого бизнеса, любой экономики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.